

Тер-Григорьян М.Г.

УДК 811.161.1'374

**СООТНЕСЁННОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ
С РАЗНОУРОВНЕВЫМИ СРЕДСТВАМИ ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ**

Природа языковой и речевой оценочности, её разновидности, закономерности проявления в языке до настоящего времени составляют наиболее дискуссионную проблему и не исследованы в полной мере. Прежде всего, отсутствует единство мнений относительно статуса оценочности, её принадлежности к денотации или коннотации в структуре лексического значения. Оценочность определяется как языковая категория, пронизывающая систему языка на всех уровнях, но в большей степени проявляющаяся на лексико-семантическом ярусе; тогда как оценка относится к разряду собственно логических категорий, представляя собой мыслительный акт, осуществляемый в процессе познавательной деятельности [10].

Вопрос о мыслительной основе языковых структур и их речевых реализаций рассматривается в современной лингвистической парадигме в качестве одного из важнейших. Язык и мышление, речь и мысль настолько тесно связаны друг с другом, что многие исследователи в области философии и языкознания считают возможным говорить о языке-мышлении «как синкретическом явлении, а контекст и речевую ситуацию отождествляют с опытом человека или общества» [152]. По мнению Е.С.Кубряковой, «язык не только отражает действительность, воздействует на это отражение, он является «окном» в сознании человека» [57].

Об общности интересов философии и лингвистики в области семантики пишет Р.Траск [25], подчеркивая мысль о том, что проблема соотношения языка и мышления пока окончательно не решена. При этом автор обращает внимание на то, что над этой проблемой работали крупные ученые — британцы Бертран Рассел, Питер Стросон, Дэвид Дэвидсон; поляк Альфред Тарски; американцы Уилард Ван Орман Куин, Ричард Монтегью, Джеролд Кау, Джерри Фодор и другие [230]. Так, в одной из последних работ Дж.Фодора «The Elm and the Expert. Mentalese and its Semantics» вместе с проблемами значения разрабатываются вопросы философии языка [34].

Проблема установления типов и видов языковых значений возникла в недрах философии языка — философского направления, изучающего существование универсалий, т.е. общих концептов. Хотя филологи занимались проблемами философии языка с древнейших времен, особое внимание ей было уделено в конце XIX столетия. Отцом философии языка считают немецкого ученого Готлоба Фреге. В конце XIX– начале XX века авторитетные философы Г.Фреге, Б.Рассел, Дж.Мур, Л.Витгенштейн, Р.Карнап высказали мысль о том, что именно язык следует считать основным объектом философии как науки, в то время как анализ употребления языковых знаков является способом решения многих философских проблем [310].

В результате одним из объектов пристального внимания исследователей в философии и лингвистике становится семантика, учение о значениях. Так же, как и лингвисты, философы интересуются, каким образом языковые единицы соотносятся с реальным миром и миром понятий, каким образом значение высказывания зависит от контекста и каково взаимодействие языка и мышления. В пределах развившейся логической семантики выделяются два направления — теория референции (исследование отношения языковых высказываний и обозначаемых объектов) и теория смысла (исследование связи смысла и денотата высказываний). Задачи исследования предопределили необходимость рассмотрения категоризации — механизма выведения информации в структурах мышления, предусматривающего объединение предметов и явлений в соответствующие классы как рубрики опыта, сформированные в ходе познавательной деятельности человека [200].

Впервые термин «*понятийные категории*» был введён в научный обиход О.Есперсеном в «Философии грамматики» в 1924 г. [57-58]. Отмечая универсальный характер мыслительных категорий, датский лингвист считал, что «наряду с синтаксическими категориями, или кроме них, или за этими категориями, зависящими от структуры каждого языка в том виде, в каком он существует, имеются ещё внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков» [там же]. Аналогичное описание понятийных категорий предоставляет С.Д.Кацнельсон: «Универсальные категории — это по большей части мыслительные формы логического происхождения. Они образуют систему, являющуюся общей основой языка, но непосредственно в строй языка не входящую. Вместе с тем и собственно логическими назвать их нельзя, так как, будучи обращены лицом к грамматике, они обнаруживают специфические черты» [12-13]. Постулируя наличие категорий пограничной области «логической грамматики», которые, к тому же, образуют систему, ученый подтверждает тезис об иерархичности структур мышления. Несколько раньше, в 1945г., мысль об уровневой природе механизма категоризации была высказана И.И.Мещаниновым, рассматривающим понятийные категории в качестве соединяющего элемента, «который связывает в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, и с категориями логики и психологии» [15]. При этом стройному логическому каркасу мыслительных категорий соответствуют конкретные языковые единицы разных уровней.

Рассмотренная взаимосвязь потребовала более пристального внимания к проблеме значения как переходного звена между понятийными категориями и языковыми явлениями, благодаря которому и становится возможным использование языкового кода. Значения формируются в пределах *семантических категорий*, определяемых А.В.Бондарко в 70-х гг. XX века следующим образом: «семантические категории относятся к понятийным как варианты к инвариантам» [12]. Разрабатывая тезис о семантических

СООТНЕСЁННОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ С РАЗНОУРОВНЕВЫМИ СРЕДСТВАМИ ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ

категориях в сфере грамматики, А.В.Бондарко представляет их как инвариантные категориальные признаки (семантические константы), выступающие в тех или иных вариантах в языковых значениях, выраженных различными (морфологическими, синтаксическими, а также комбинированными) средствами [12]. В терминах Н.А.Слюсаревой семантические категории предстают универсально-языковыми, в то время как понятийные категории обозначаются термином «универсально-мыслительные» [37]. Исследовательница считает, что к понятийным следует относить категории логики и философии (время, пространство, качество, количество, предмет, субъект). Этим универсально-мыслительным категориям всегда соответствуют универсально-языковые (аспектуальность, темпоральность и т.д.), в свою очередь, соотносящиеся с конкретно-языковыми категориями совершенного/несовершенного вида, грамматического времени и т.п. [там же]. Последние обозначаются А.В.Бондарко как грамматические категории.

Поскольку семантические категории всегда связаны с конкретными средствами того или иного языка, они рассматриваются исследователем вместе с комплексом разноуровневых средств их выражения в целях передачи конкретного содержания и, в рамках функционального подхода, получают статус *функционально-семантических* [12]. Таким образом, функционально-семантическая категория (далее – ФСК) определяется как признак языковых единиц разных уровней, концептуально интегрирующий их с речевыми единицами на основании общего назначения (функции) [651].

Сформулированное в соответствии с задачами и целями функциональной концепции, понятие ФСК постепенно эволюционировало: принципы категоризации языковых единиц на базе функций грамматических категорий были заменены концептуально-коммуникативными критериями категоризации. Современные концепции ФСК учитывают интеграцию концептуального, языкового и коммуникативного аспектов функции. В соответствии со своей мыслительно-речевой природой, ФСК интегрирует в себе имплицитные смыслы языковых единиц и коммуникативно обусловленные значения в соответствующих категориальных ситуациях [там же]. ФСК далеко не изоморфны формально-логическим, хотя и могут соотноситься с фрагментами логической категоризации. Лишь частично они базируются на грамматических категориях, что и обуславливает нетождественность их терминологического обозначения (ср.: грамматическая категория времени и ФСК темпоральности и таксиса, грамматическая категория способа действия и ФСК модальности и т.д.) [651-652]. Результатом разработки концепции ФСК явилась модель *функционально-семантического поля* (далее – ФСП).

Под ФСП А.В.Бондарко подразумевает «двусторонние содержательно-формальные единства, формируемые грамматическими единицами, классами и категориями вместе со взаимодействующими с ними разноуровневыми языковыми средствами» [19]. По мнению исследователя, целостность ФСП обеспечивается тем, что содержание поля базируется на определённой семантической категории [36]. Что же касается средств формального выражения (грамматических, лексико-грамматических, лексических), то их совокупность лишена целостности, поскольку они относятся к разным языковым уровням. Среди преимуществ модели ФСП учёный выделяет «сильные» системные признаки [38]. Одним из них является функциональная полнота поля, охватывающего всю сферу функций, базирующихся на определённой семантической категории. В качестве примера рассматривается поле темпоральности, которое в русском языке охватывает всю сферу темпоральных отношений, включая и те, что находятся за пределами грамматических форм времени. Вторым «сильным» системным признаком ФСП считается отсутствие ограничений в отношении характера и типа охватываемых данным явлением формальных средств, так как семантическая категория, лежащая в основе данного единства может быть выражена любыми языковыми единицами. Среди способов выражения семантики поля могут быть дискретные, эксплицитные и имплицитные, прямые и косвенные, собственно языковые и представляющие собой сочетание языковых средств и элементов речевой ситуации.

ФСП имеет собственную структуру: в пределах поля выделяются *микрополя* как разновидности инвариантного содержания, состоящие из центра (ядра или доминанты) и периферии [152]. Классифицирующие признаки образуют ядро поля, а характеризующие – его периферию. Ядро поля содержит дифференциальный признак и представляет собой «аспект вычленения в окружении грамматических единиц и категорий всего того, что на них воздействует испытывает на себе их воздействие». Что касается периферии, то она предполагает «аспект иерархии компонентов поля с точки зрения признаков наиболее специализированного и регулярного характера выражения той семантической категории, которая лежит в основе данного ФСП» [20]. Особенностью периферийных признаков является их относительный характеризующий статус, т.е. один и тот же признак может быть характеризующим в данной семантической категории и ядерным для другой семантической категории.

Структурные типы ФСП представлены *моноцентрическими* и *полицентрическими* полями [34-35; 152]. Первый тип имеет целостное либо гетерогенное грамматическое ядро, т.е., опирается на грамматическую категорию, обладающую наиболее ярким признаком поля и набором стандартизированных средств выражения (ФСП аспектуальности, темпоральности, модальности, компаративности, персональности и др.). Второй, полицентрический, тип поля характеризуется разбиением на несколько сфер, каждая из которых имеет свой центр и периферийные компоненты (ФСП локативности, количества, качества, цели, условия, таксиса и др.) Структура ФСП в разных языках различается в зависимости от типа языка и грамматикализации значений [152].

Модель ФСП широко использовалась представителями школы А.В.Бондарко в целях функционально-грамматических исследований. В работах С.Н.Цейтлин [25], Н.И.Поройковой [30], В.И.Козырева [41],

А.А.Корнилова [47], И.С.Андреевой [53], Л.А.Вольской [66], Т.А.Калабуховой [77], Л.К.Дмитриевой [84], А.В.Корольковой [120] рассматриваются различные ФСП и раскрываются отдельные аспекты ФСП: характеристики различных типов модальных ситуаций, в частности, побудительных высказываний, достоверности/недостоверности, модальности номинативных конструкций, темпоральная отнесенность повелительных высказываний, таксис в ряду однородности, аспектуально-темпоральная характеристика высказываний и т.п. Особенности полей темпоральности, аспектуальности, таксиса являются объектом изучения последователей А.В.Бондарко — Е.В.Тарасовой [58; 120], А.И.Бондаря [120]. В работах Е.В.Тарасовой рассмотрена историческая динамика поля темпоральности в английском языке [84-126], а также — основы функционального контрастивно-типологического анализа с использованием поля как его единицы [28-41]. Монография А.И.Бондаря посвящена анализу темпоральных отношений в украинском языке на базе ФСП локализованности, темпоральности, таксиса и аспектуальности.

В связи с тем, что моделирование ФСП не просто нацелено на перераспределение средств языка на основании их статических функций, но и ориентировано на речевую сферу, в пространство ФСП привлекаются контекстуальные и ситуативные функции языковых единиц, имплицитные и амбивалентные смыслы и т. п. [172].

В функциональной грамматике вопросы определения признаков центра (доминанты) и периферии ФСП считаются дискуссионными. Одни исследователи предлагают такие критерии выделения доминанты, как наибольшую специализированность относительно выражения значения, однозначность и систематичность употребления; другие рассматривают центр как сферу наиболее полной и эксплицитной реализации определённого содержания, характеризующуюся максимальной яркостью, регулярностью выражения, стилистической нейтральностью и меньшей степенью зависимости от условий контекста [там же]. Применение теории ФСП к высказываниям привело к дифференциации центров поля: предикатного, субъектно-объектного, качественно-количественного, обстоятельственного [31-33]. При этом доминантным признаком становится инвариантный состав членов пропозиции. Для сферы периферии характерны ослабленное содержание, нерегулярность формы, имплицитность, аномальность, асистемность, амбивалентность [172]. Различают ближнюю, среднюю и дальнюю периферию ФСП [31].

Таким образом, ключевыми характеристиками ФСП являются:

а) *многоаспектность* семантики компонентов ФСП, проявляющаяся в наличии множества функций у компонентов поля, находящихся в отношениях взаимного дополнения и соотносящихся с одной семантической категорией;

б) *многоуровневость* и *диффузность*, проявляющаяся в отсутствии целостности и однородности в плане выражения;

в) *системность*, проявляющаяся во взаимодействии ФСП с другими полями, т.е., в его включении в целый комплекс пересекающихся систем [37-39].

Перечисленные свойства объясняют функциональность модели ФСП, её применимость к семантическому и функционально-семантическому анализу как языковых фактов, так и продуктов речевой деятельности, содержания дискурса.

Источники и литература:

1. Касьянова Л. Ю. Оценочная семантика нового слова : [Электронный ресурс] / Л. Ю. Касьянова. – Волгоград, 2005. – Режим доступа : <http://www.lib.csu.ru/vch/110/009pdf/>
2. Кодухов В. И. Общее языкознание / В. И. Кодухов. – М. : Высшая школа, 1974. – 303 с.
3. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 156 с.
4. Trask R. L. Key Concepts in Language and Linguistics / R. L. Trask. – London, N. Y. : Routledge, 1999. – 378 p.
5. Fodor J. The Elm and the Expert. Mentalese and its Semantics / J. Fodor. – London : Mit Press, 1995. – 128 p.
6. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава, К. : Довкілля, 2006. – 716 с.
7. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : Изд-во иностр. л-ры, 1958. – 400 с.
8. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.
9. Мещанинов И. И. Новое учение о языке на современном этапе развития / И. И. Мещанинов // Русский язык в школе. – 1948. – № 6. – 15 с.
10. Бондарко А. В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений / А. В. Бондарко // Функциональный анализ грамматических категорий. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1973. – С. 5-31.
11. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики / А. В. Бондарко. – М. : Наука, 1987. – 369 с.
12. Слюсарева Н. А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка / Н. А. Слюсарева. – М. : Наука, 1986. – 215 с.
13. Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 1985. – № 1. – С. 13-23.
14. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии / Э. Хэмп. – М. : Прогресс, 1964. – 264 с.
15. Цейтлин С. Н. Некоторые типы модальных ситуаций в современном русском языке / С. Н. Цейтлин // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 16-25.

**СООТНЕСЁННОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ С РАЗНОУРОВНЕВЫМИ
СРЕДСТВАМИ ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ**

16. Поройкова Н. И. К характеристике семантической структуры ситуации побуждения / Н. И. Поройкова // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 25-35.
17. Козырев В. И. Модальная характеристика безглагольных побудительных высказываний в современном русском языке / В. И. Козырев // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 35-42.
18. Корнилов А. А. Субъективно-модальная характеристика высказывания с точки зрения достоверности-недостоверности его содержания / А. А. Корнилов // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 43-51.
19. Андреева И. С. О модальной характеристике высказываний, включающих номинативные конструкции / И. С. Андреева // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 51-55.
20. Вольская Л. А. Темпоральная отнесенность и лицо субъекта действия в высказываниях с формами повелительного наклонения / Л. А. Вольская // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 64-72.
21. Калабухова Т. А. Потенциальное значение высказываний с формами совершенного вида при отрицании / Т. А. Калабухова // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 72-82.
22. Дмитриева Л. К. Таксис в ряду однородности / Л. К. Дмитриева // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 82-88.
23. Королькова А. В. Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с глаголами прошедшего времени совершенного вида в безличной форме, обозначающими явления природы / А. В. Королькова // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 115-124.
24. Тарасова Е. В. Языковое поле как единица дидактической типологии : учеб. пособие для студ. IV-V курсов фак. иностр. языков (англ. отделение) / Е. В. Тарасова. – Харьков : ХГУ, 1991. – 111 с.
25. Тарасова Е. В. Время и темпоральность / Е. В. Тарасова. – Харьков : Основа, 1992. – 136 с.
26. Бондарь О. І. Темпоральні відношення в сучасній українській літературній мові : Система засобів вираження : наук. монографія / О. І. Бондарь. – Одеса : Астропринт, 1996. – 192 с.
27. Федорова И. Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет) : учеб. пособие / И. Р. Федорова. – Калининград : Калининградский гос. ун-т, 2000. – 85 с.

Фокина С.А.

УДК 821.161.1-1 Цветаева“19”

**ФАКТОР МЕТАМОРФОЗ В КОНТЕКСТЕ ЭСТЕТИКИ РУССКОГО
АВАНГАРДА В ЦИКЛЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «СИВИЛЛА»**

Актуальность поставленной проблемы связана с возрастающим интересом современного цветаеведения к изучению творчества М. Цветаевой в ракурсе освоения поэтессой художественного опыта русского Авангарда.

Многие цветаеведы отмечают сближение лирической системы М. Цветаевой с эстетической парадигмой русского Авангарда (Е. Фарыно [1], Е. Эткинд [2], Зубова [3], О. Клинг [4], Н. Осипова [5] и др.). Ученые акцентируют наличие в поэзии М. Цветаевой обращения к теме Скифии, словотворчеству, карнавальности, воспроизведения перформативных элементов и метаморфоз.

При этом цикл «Сивилла» в данном аспекте осмыслен не был, хотя является одним из наиболее показательных произведений в лирической системе М. Цветаевой 20-х годов в плане включения в семантическое поле текста фактора метаморфоз.

Цель данной статьи – выявить признаки авангардной эстетики, способствующие моделированию метаморфоз в цикле «Сивилла».

В 20-е годы в творчестве М. Цветаевой наиболее рельефно проявилась тенденция к освоению авангардной эстетики. М. Цветаева занимала «пограничное» положение по отношению к парадигме русского Авангарда тех лет. Усваивая разнообразный опыт направлений Серебряного века, поэтесса переосмысляла его в аспекте авторского мифа. Приметами авангардной поэтики становятся идеи метаморфоз («Марина», «Сивилла», «Ариадна»), карнавала («Москве»), игры масок («Разлука», «Скифские»). В этот период творчества для М. Цветаевой характерно обращение к многоликости лирического «я», передающего расколотость сознания, фиксацию различных «точек зрения» и смену коммуникативных стратегий. Каждый из образов символически передает психическое состояние (Ярославна, Сивилла, амазонка, Ариадна), своеобразие жизненной позиции, обусловленной архетипической сущностью образа (Марина, Федра, Магдалина, Елена), обреченность на одиночество (Сивилла, Эвридика, Ариадна), связь с поэтическим даром (Сивилла, чародейка, Давид). Многоликость лирического «я» обуславливает особенности проявления авангардной эстетики в лирических циклах М. Цветаевой 20-х годов.